Т. 5. №7. 2019
DOI: 10.33619/2414-2948/44

УДК 82-97 https://doi.org/10.33619/2414-2948/44/61

# ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМА СНА В ТВОРЧЕСТВЕ НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ И ЮНУСА ЭМРЕ В КОНТЕКСТЕ ДУХА И ПЛОТИ

***©Велиева Ф. Х.,*** *канд. филол. наук, Институт литературы им. Низами Гянджеви НАНА, г. Баку, Азербайджан, qezale@mail.ru*

# THE PARALLELISM OF DREAM IN THE WORKS OF NIZAMI GANJAVI AND YUNUS EMRE: IN THE CONTEXT OF SPIRIT AND BODY

***©Valiyeva F. H.,*** *Ph.D., Institute of Literature National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, qezale@mail.ru*

*Аннотация.* В статье анализируется, главным образом, сфера применения архетипа сна в поэзии указанных авторов, дается оценка вопросам, связанным с символами сновидения. Автор ссылается на мысли специалистов, рассматривающих данную проблему с различных точек зрения, обращается к научным гипотезам гениального азербайджанского поэта Низами Гянджеви. Заостряется внимание на использовании архетипа сна в качестве художественного элемента как в эпических сюжетах, используемых поэтом, так и в его лирических произведениях. Обращается автор также к вопросу описания сна в стихах Юнуса Эмре, различным формам развития архетипа. Предпринимается попытка внести ясность в физиологические и психологические аспекты сновидения. Помимо того, высказывается мнение относительно схожести позиций в освещении проблемы как в XII, так и XIII веках (несмотря на разницу в сто лет), указываются некоторые отличия. Имеется также ссылка на отношение ко сну в исламском мире.

*Abstract.* The article deals with an analysis of the frequency of using the archetype of a dream in the poetry of both poets. We shed light on the matters related to the symbols of the dream. The ideas of the authors treating this problem from various standpoints are analyzed. The article touches upon the reality of the scientific ideas expressed by the great Azerbaijani poet Nizami Ganjavi. It is known that the poet used the archetype of dream both in the epic plots and in the lyrical works as literary details. In this article, the matter of description of the dream is touched upon and the development of this archetype in various forms is stressed. It sheds light on the physiological and psychological sides of dreaming in connection with the mentioned problem. Despite the century passed between 12 and 13-the centuries, the author tries to analyze the proximity of ideas regarding this problem and the different sides are indicated. Finally, Islamic thought is investigated regarding the problem of dreaming.

*Ключевые слова:* божественный, внутренний, внешний, Низами Гянджеви, Юнус Эмре, Лейли и Меджнун, Фархад и Ширин, любовь, сознание, суфизм, ислам.

*Keywords:* divine, internal, external, Nizami Ganjavi, Yunus Emre, Leyli and Majnun, Farhad and Shirin, love, consciousness, Sufism, Islam.

Тесная связь, существующая между тюркской мифологической системой, устным народным творчеством, фольклорным мышлением и исламским мировоззрением отражалась на поэтическом творчестве, пожалуй, всех выдающихся мыслителей Востока, чутко относящихся к вопросам построения сюжета и общих конструкций произведений. Данное

Т. 5. №7. 2019
DOI: 10.33619/2414-2948/44

обстоятельство в литературе проявляло себя и при описании моментов, связанных с такими понятиями, как «дух» и «плоть».

Как в творчестве Низами Гянджеви, относящемуся к XII веку, так и в поэзии Юнуса Эмре, творившего в веке XIII, предпринимается попытка докопаться до сущности мироздания, существования человека и всего живого и донести разгадку этих тайн людям. Благодаря этим усилиям, этим мастерам пера удалось воздвигнуть некий символический мост между истинами высшего порядка и миром мистики.

Сюжеты, связанные с понятием «сон», нашедшие свое блестящее отображение в творчестве обоих поэтов–мыслителей, тем не менее, рассматриваются ими с различных точек зрения. Известно, что величие мироздания, его тайны, описание всего живого, превосходство мирского над духовным и пр. темы приобретали особую окраску в творчестве Низами. Поэтому магия его стихов во все времена привлекала внимание исследователей, и, в связи с этим, высказано немало мыслей. Однако, такие темы, как сон, сглаз, художественное отображение и мифическое значение драгоценных камней, архетип зеркала и др., сохранившие свою актуальность и в нашем столетии, остались вне поля зрения многих ученых, так и не став предметом тщательного изучения.

Согласно научным утверждениям, сон является актом нормального функционирования мозга психического свойства, активным физиологическим процессом, происходящим в организме. З. Фрейд, приступивший с 90-х годов XIX века к изучению природы сна, оценивает сновидение как действие духа [1]. Он не остается безразличен к размышлениям Аристотеля касательно сновидения, подчеркивает его взгляды на это явление как объект психологии и не воспринимает аргумент о том, что сны — порождение дьявола, а не Бога. З. Фрейд утверждает: «У меня нет оснований заниматься снами, так как сон — сугубо физиологическая проблема. Несмотря на это, и характеристика сна должна содержать перемену условий действия духовной структуры». Не забывает Фрейд и упомянуть утверждение греческого врача Гиппократа о том, что сны связаны с болезнями [1]. Следует также внимательнее отнестись к следующему мнению философа и психоаналитика: «Что бы ни было, сновидение подпитывается действительностью и духовной жизнью, бурлящей на фоне этой действительности» [2]. Тем не менее, З. Фрейд не принимает во внимание такие нюансы, как вес мозга субъекта, разницу в форме мышления людей, размах широты их интеллекта. При этом он характеризует процесс сновидения, скорее, как, акт осуществления желаний. Хотя известно, что во время сна удавалось достичь великих открытий (сон Ньютона), разъяснялись определенные моменты (сон Ломоносова, связанный со смертью его отца). Однако результаты исследований, проведенных в этой области, указывают на то, что многие детали, так и не раскрывающиеся во время сна, привлекают внимание вне зависимости от эпохи, что позволяет судить о связях естественных чувств и волнений людей с потаенным миром. В сущности, сон является понятием весьма широкого диапазона, охватывающим такие аспекты, как символ, его смысловые оттенки и т. д. Несмотря на это, мыслители, в том числе и в художественной литературе, рассматривают акт сновидения как нечто символическое и ошибочное, т. е., явление, опирающееся не на реалии жизни, а, большей частью, эпизод, вытекающий из логики самого сна.

Интеллект гениального азербайджанского поэта Низами нашел свое достойное отражение и в строках, описывающих процесс сна. В этих поэтических образцах наглядно продемонстрировано его чуткое мироощущение, способность размышлять о Вселенной особыми философскими категориями. Именно Низами в далеком XII столетии впервые решился затронуть научную сторону акта сновидения, обратившись к этой теме в своей последней поэме «Искандернаме» (вернее, во второй ее части «Игбалнаме»). Это

Т. 5. №7. 2019
DOI: 10.33619/2414-2948/44

произведение входит в его знаменитую «Хамсэ» (пятерица). В указанном сочинении была предпринята попытка раскрыть неизведанные стороны сна. Учитывая реалии века, в котором жил поэт, можно смело утверждать, что старание это увенчалась успехом.

Опять заговорил сын земли индийской,
Вопрошая: «что такое сон?
И что же будоражит чувства сынов и дочерей адамовых
В пору покоя?
Движутся они по горам и долинам,
Сталкиваются с несметным количеством приключений.
И если там, на просторах свободных блуждает человек,
Так кем же является этот господин, приникший к ложу» и т. д. [3].

Этими строками Низами затрагивает тему разделения «телесного» и «духовного». Подобные мистико–теоретические воззрения, касающиеся противостояния, а иной раз, и единения духовного и плотского начал, встречающиеся в творчестве Низами Гянджеви, легко можно обнаружить также в поэзии Юнуса Эмре. Поэт, убежденный в том, что во сне дух покидает тело человека, а затем, расширив круг своих знаний, возвращается туда же, предпринимает попытку донести сущность данного утверждения, ссылаясь на доводы ученых мужей (врачей). Он реальными красками изображает то, что приснилось, рассказывает о странах, городах, в которых спящий, может, никогда и не был. С такими фактами мы встречаемся и в современных исследованиях, и, общеизвестно, что человек, посетивший край, который когда-то ему приснился, невольно вспоминает свой сон. И не случайно, что Юнус Эмре, творивший веком позже Низами Гянджеви, т. е., в XIII столетии, скрупулезно анализирует особенности исламской культуры, углубляется в темы, вызывающие неоднозначные оценки и пытается в собственной манере и на высоком художественном уровне раскрыть механизм сновидения:

Люди, ищущие истины, видят то, что видит око Юнуса,
Ведь это не сон мой, чтобы донести до тебя смысл его сокровенный [4].

В последние годы описание символов сна, большей частью привлекающих внимание как образцы фольклора и широко распространенный источник верований, которому в свое время уделял внимание Юнус Эмре, а также его мысли касательно данной темы вызывают оживленный интерес. Тем более, что его предшественники — великие мыслители Низами Гянджеви, Насреддин Туси, Джалаладдин Руми, Саади Ширази, Абдульгасым Фирдовси, Мухаммед Физули также обращались к этой теме.

В сущности, Юнус Эмре, затрагивая темы суфийско–философского характера, а также нюансы психологического свойства, непроизвольно продолжал путь своих предшественников. Однако и в данном случае не следует упускать из виду особенности творческого метода поэта. Являясь приверженцем суфийского учения, Ю. Эмре не зря подчеркивает в своем стихотворении, описывающим сон, желание повстречаться со святыми:

Если решусь, наконец, на дальний путь,
Застряну в глубоких песках Каабы,
Хочу увидеть хоть раз твой лик во сне
Великий Мухаммед, вожделею встречи с тобой [5].

Т. 5. №7. 2019
DOI: 10.33619/2414-2948/44

Поэт, ощущающий полный расцвет суфизма, как мистико–философской системы, воспринимает Всевышнего в качестве сущности бытия в мире ислама, к которому он был искренне привязан. Помимо того, увидев во сне Пророка, он старается раскрыть для себя глубокую сущность этого видения. Поэт, поддерживающий тесную связь с простыми людьми, несомненно, имел представление о чудотворной чаше, преподнесенной свыше влюбленным, и расценивал внезапно появившуюся способность предвосхищать события как благо, даруемое святыми:

И повезло же мне, когда подали чашу любви
Отведал я ее, и в тот же час начал отличать белое от черного [5].

Как и во всех мистических верованиях средневековья, ядро философских, в том числе, суфийских воззрений Юнуса Эмре составляет такая проблема, как «Создатель–вселенная», а также вопросы человеческого бытия. Поэт, «осушив чашу любви, во мгновенье ока начинает ясно отличать светлое от темного, добро от зла». Осознав эту истину, Ю. Эмре в своих стихах неоднократно и мастерски описывал противоборство диалектического мышления с силами, направленными против него:

Любовью был опьянен я,
Ничего не ведал, да любовь помогла.
Сразу же прозрел я
И понял разницу между добром и злом [5].

Поэт, оценивающий способность различать добро и зло, белое и черное, полагает, что сей дар, ниспосланный, непосредственно связан с миром гармонии, созданным Великим Творцом.

Низами Гянджеви же, написавший в возрасте 33 лет поэму «Сокровищница тайн», обыгрывает тему прощения вины несправедливого шаха, используя в качестве сюжетной линии сон и придавая своим мыслям назидательный характер. Внимательно проследив течение мыслей поэта можно обнаружить, что больше всего его занимала тема созидательного могущества Всевышнего. И не случайно, что молодой автор избрал именно тему сна для изображения достойного восшествия на праведный суд Властелина. Поэт, оставаясь верным принципам эволюционного развития, как бы перебрасывает мост к последующим событиям:

Когда настанет час переселиться в мир иной,
Чтобы глыба из грехов не придавила тебя,
Чтобы слезы не оросили подол твой,
Чтобы стенания седовласой не отправили на костер тебя.

Низами использует сюжет, построенный на сновидении, как художественный прием. По его мнению, человек в состоянии покоя получает определенные импульсы, некие загадочные знаки, которые указывают ему путь Истины.

Мистико–философское видение мира довлело над творчеством Низами. В связи с этим вызывают интерес комментарии к его собственным снам:

Погрузился в негу сна, когда наступил тому час,
И открылся перед взором моим благодатный сад,
Собирал я хурму в том богатом саду,
И раздавал плоды первым встречным.

Т. 5. №7. 2019
DOI: 10.33619/2414-2948/44

Известно, что в священном Коране хурма описывается как неповторимый плод среди райских даров. Во все времена, в мистическом понимании, хурма считалась самым древним продуктом, имеющим особое предназначение (Коран, с. 278); сура Марьям (546, сура А. Р. Рахман, стих 11); Коран, сура Марьям, с. 278, стих 26-й; сура А. Р. Рахман, стих 11, с. 546.

Наевшись хурмы во сне и раздав ее встречным, поэт, словно обнаруживает, что перед ним открылся кладезь из драгоценных слов. Низами, духовно связанный со своим народом, несомненно, осознавал, что «хурма», являясь одним из образов, всплывающих во сне, имеет также магическое значение, и что это дар Создателя. Данная «информация» была почерпнута им из Священной книги Коран. Низами, обладая весьма обширными знаниями, обращался не только к религиозным источникам, но и к высказываниям величайших мыслителей, таких как Сократ, Платон, Аристотель. Характерен в этом смысле диалог о научной сущности сна, который происходит между Александром Великим и врачом в поэме «Искендернаме»:

Все живое и неживое, привидевшееся тебе во сне
Не более чем огонь свечи, согревающий тебя [3].

Не зря Низами затрагивал в своих поэмах тему различия в мироощущении людей, их способности мыслить. По его мнению, даже физический вес мозга у разных людей имеет не схожие характеристики:

Разве не известно тебе, что забывшие блага земные
Бодрствуя, ведают о самых причудливых тайнах [3].

Люди, способные предсказывать события, высказывать определенные мысли о них, в разные времена удостаивались звания «шых» или «шейх». Иногда их называли гадальщиками (гадальщицами). Низами отмечал феноменальные способности таких людей, отказывающихся от земных благ, которые демонстрировали не только во сне, но и наяву свой дар провидения.

Юнус Эмре уделял особое внимание этой теме в своем творчестве:

День завтрашний уже сегодня для меня все равно, что праздник,
Во сне мне видится то, что грядет, так услышьте и вы о нем [4].

Как известно, божественное успокоение чаще всего посещает душу совершенного человека. По этой причине вышеприведенные строки суфийского поэта совершенно естественны и с научной точки зрения. Через сновидение возможно, в какой-то мере, предугадать и осмыслить события грядущего, и этот факт не раз становился объектом специальных исследований. Голоса, доносящиеся во время сна, способны оповестить спящего о результате важных дел, глубоко волнующих его. Иными словами, они выполняют задачу путеводителя, большей частью ориентированного в сторону добрых дел.

В научно-теоретических трудах тело и душа рассматриваются как дуальное строение и выражают бинарный тип мышления. Весьма вероятно, что звук, о котором упоминает Юнус Эмре, является сокровенным голосом духа и выступает как второе «я» поэта. Это обстоятельство проявляет себя и в нашу пору в повседневной жизни многих людей. Здесь автор утверждает, что как «наказ», так и «запрет» находятся в руках Всевышнего. По мнению поэта, призывая человека к добрым делам, дух приближается к Творцу. За суфийскими воззрениями автора проступает нравственно-духовное начало. Ю. Эмре признает за религией как внешнюю, так и внутреннюю сущность, отдавая предпочтение последней.

Т. 5. №7. 2019
DOI: 10.33619/2414-2948/44

Все вышеперечисленное еще раз указывает на то, что творчество Низами Гянджеви в отношении к догмам официального ислама, в оценке их преимуществ, его видение религии как символический мост между истиной и ложью может служить образцом как для мыслителей–предшественников, так и для титанов мысли будущего.

*Список литературы:*

1. Фрейд З. Трактование снов. Баку: Ганун, 2014. 580 с. (на азерб. яз.).
2. Ариф М. История азербайджанской литературы. Баку: Элм, 1971. 216 с.
3. Низами Гянджеви. Сокровищница тайн. Баку: Язычы, 1982. 259 с.
4. Risâlat al-Nushiyya ve dîvân (yazan) Yunus Emre. Abdülbâki Gölpınarlı, önsöz, lûgat, açılama Turkish. İstanbul: Sulhi Garan Matbaası Koll. Şti., 1965. 417 p. (на турецком яз.).
5. Timurtaş F. K. Yunus Emre divani // Kültür ve Turizm Bakanlıgı. 1989. (на азерб. яз.)

*References:*

1. Freyd, Z. (2014). Dream interpretation. Baku, Ganun, 580. (in Azeri).
2. Arif, M. (1971). Istoriya azerbaidzhanskoi literatury. Baku, Elm, 216. (in Russian).
3. Nizami Gyandzhevi. (1982). Sokrovishchnitsa tain. Baku, Yazychy, 259. (in Russian).
4. Risalat al-Nushiyya ve divan (yazan) Yunus Emre. (1965). Abdülbaki Gölpinarli, önsöz, lugat, acilama Turkish. Istanbul, Sulhi Garan Matbaasi Koll. Sti., 417. (in Turkish).
5. Timurtash, F. K. (1989). Yunus Emre divani. Kültür ve Turizm Bakanligi. (in Azeri).

*Работа поступила*
*в редакцию 30.05.2019 г.*

*Принята к публикации*
*09.06.2019 г.*

---

*Ссылка для цитирования:*

Велиева Ф. Х. Особенности проявлений параллелизма сна в творчестве Низами Гянджеви и Юнуса Эмре в контексте духа и плоти // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. №7. С. 463-468. https://doi.org/10.33619/2414-2948/44/61

*Cite as (APA):*

Valiyeva, F. H. (2019). The Parallelism of Dream in the Works of Nizami Ganjavi and Yunus Emre: in the Context of Spirit and Body. *Bulletin of Science and Practice*, *5*(7), 463-468. https://doi.org/10.33619/2414-2948/44/61 (in Russian).